

В. В. Попова

КНИГИ О Л. ТОЛСТОМ В МАРГИНАЛИЯХ А. П. СКАФТЫМОВА НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Институт филологии и журналистики,
Саратов, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются маргиналии А. П. Скафтымова о Л. Н. Толстом, найденные в книгах из личной библиотеки учёного. Особое внимание уделено маргиналиям в работах М. А. Протопопова и В. А. Дружининой. Рассмотрение найденных маргиналий обещает углублённое понимание логики развития исследовательской мысли А. П. Скафтымова, отраженной затем в рукописных заметках учёного, а далее – в его классических статьях.

Ключевые слова: маргиналии, скафтымовская библиотека, художественный приём, портрет, характеристика

V. V. Popova

BOOKS ABOUT L. N. TOLSTOY IN A. P. SKAFTYMOV'S MARGINALIA FROM THE EARLY 1920S

Saratov State University, Institute of Philology and Journalism, Saratov, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of A. P. Skaftymov's marginalia about L. N. Tolstoy, which were found in the books from the scientist's personal library. Special attention was paid to the marginalia from M. A. Protopopov and V. A. Druzhinina's works. Consideration of the found marginalia promises a deep understanding of the logic of Skaftymov's research thought development subsequently reflected in the scientist's handwritten notes and then in his classic articles.

Keywords: marginalia, Skaftymov's library, artistic technique, portrait, characteristic

Скафтымовские статьи 1920-1950-х годов о Л. Толстом, ставшие классическими («Идеи и формы в творчестве Л. Толстого», «О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого», «Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого “Война и мир”»), создавались на протяжении «всей сознательной жизни учёного, начиная с первого десятилетия XX века» [1, с. 12]. Им предшествовал длительный подготовительный период: медленное чтение прозы Л.Н. Толстого, внимательное – критических и литературоведческих работ о нём. В процессе освоения толстовского наследия А.П. Скафтымов прибегал к подчёркиваниям, значкам, различным пометкам на полях. Весомая часть этих книг, являвшихся «материалом для творчества, орудием труда» [2, с. 8], в составе трёхтысячного скафтымовского собрания поступила в фонд научной библиотеки Саратовского университета в 1976

году, после кончины профессора. Из этого собрания в нашу хронологически ограниченную подборку вошли 12 книг: «Очерки по истории новой русской литературы» А.И. Кирпичникова (1896 г.) [3]; «Литературно-критические характеристики» М.А. Протопопова (1898 г.) [4]; «Календарь графа Л.Н. Толстого на каждый день года» Л.Н. Толстого (1909 г.) [5]; «Письма Л.Н. Толстого» под редакцией П.А. Сергеенко (1910 г.) [6]; «Сборник воспоминаний о Л.Н. Толстом» А. Пругавина (1911 г.) [7]; «Душа Л.Н. Толстого» Н. Тимковского (1913 г.) [8]; «Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870-1894» с примечаниями Б.Л. Модзалевского (1914 г.) [9]; «Дневник молодости Льва Николаевича Толстого» под редакцией В.Г. Черткова (1917 г.) [10]; «Детство. Отрочество. Юность» Л.Н. Толстого (1922 г.) [11]; третий том работы «Биография Льва Николаевича Толстого» П.И. Бирюкова (1922 г.) [12]; второй и третий сборники «Толстой и о Толстом» под редакцией Н.Н. Гусева и В.Г. Черткова (1926 и 1927 гг. соответственно) [13, 14].

Далеко не во всех этих изданиях были обнаружены маргиналии А.П. Скафтымова. Примерно половина из перечисленных нами трудов не содержала в себе подчёркиваний и иных графических отметок, свидетельствующих о прочтении исследователем текста: «Очерки по истории новой русской литературы» А.И. Кирпичникова (1896 г.) [3]; «Календарь графа Л.Н. Толстого на каждый день года» Л.Н. Толстого (1909 г.) [5]; «Сборник воспоминаний о Л.Н. Толстом» А. Пругавина (1911 г.) [7]; «Душа Л.Н. Толстого» Н. Тимковского (1913 г.) [9]; «Детство. Отрочество. Юность» Л.Н. Толстого (1922 г.) [11]; третий том работы «Биография Льва Николаевича Толстого» П.И. Бирюкова (1922 г.) [12]. Но это не даёт оснований предполагать, будто А.П. Скафтымов к ним не обращался.

В тех экземплярах, где есть пометки, они преимущественно носят систематический характер, а не разовый. В других случаях заметна устремлённость исследовательского внимания на одном объекте – аспекте толстовского творчества, либо конкретном произведении. По имеющимся маргиналиям возможно воссоздать определённый круг интересов А.П. Скафтымова, к которым он был обращён в процессе постижения художественных принципов Л.Н. Толстого.

В работе над тем или иным текстом исследователь использовал простой или цветные карандаши, а также чернила. Эти внешние приметы маргиналий могут помочь приблизительно датировать время их появления. Н.В. Новикова отмечает, что «цветными карандашами, в том числе синим, А.П. Скафтымов начал пользоваться около середины 1920-х годов, о чём можно судить по пометкам на книгах из его личной библиотеки, хранящихся в фондах ЗНБ СГУ, и по рукописным заметкам» [15, с. 70].

Отметим, что данная работа является продолжением начатого – рассмотрения первого тома «Дневника молодости Льва Николаевича Толстого» издания 1917 года. В нём, состоящем из 288 страниц, практически половина – 126 страниц – содержала маргиналии. Дневник, по нашему

мнению, стал подспорьем для исследователя в подготовке рукописной заметки «Кавказская повесть», о чём свидетельствуют многочисленные выписки с указанием конкретных страниц данного экземпляра. А в самой книге – подчёркивания схожих мыслей, которые более тезисно будут изложены в рукописной подборке.

Обратимся к другим книгам с пометками рукой А.П. Скафтымова. «Литературно-критические характеристики» М.А. Протопопова 1898 года с первых страниц содержат исследовательские маргиналии: на полях ряд абзацев отмечен вертикальной линией. В этих фрагментах автором работы развивается мысль о человеческой нравственности [4, с. 5-6], воспитать в массах которую способна историческая личность [4, с. 7]. Такими историческими личностями, по мысли М.А. Протопопова, являются и писатели, способные передать «крупницы истины и добра» [4, с. 8]. В связи с влиятельностью личности писателя у общественности возрастает интерес к его бытовой жизни. Далее во вступлении высказывается идея о вечной категории, существующей гораздо больше любой исторической личности, – об истине и важности быть ее служителем [4, с. 10].

Однако работа М.А. Протопопова не посвящена исключительно Л.Н. Толстому, в ней идет речь и о других писателях и публицистах XIX века: В.Г. Белинском, Н.В. Шелгунове, Всеволоде Гаршине, С.П. Аксакове, А.М. Жемчужникове, Глебе Успенском, Ф.М. Решетникове, Златовратском, Н.Е. Петропавловском. В рамках нашей работы мы рассмотрим только маргиналии исследователя, касающиеся Л.Н. Толстого. Также стоит подчеркнуть, что в разделах, посвященных другим авторам, в частности В.Г. Белинскому, также были обнаружены различные пометки как следы прочтения текста.

Итак, коснемся толстовоцентричных маргиналий А.П. Скафтымова, найденных в «Литературно-критических характеристиках». По большей части они представляют собой вертикальные черты возле абзацев, а также галочки. В работе над изучением данного издания исследователь использовал простой и фиолетовый карандаши. Кроме того, А.П. Скафтымов надписывает рядом с абзацем простым карандашом сочетание букв: «Кр.» [4, с. 78]. Данная выписка появляется отнюдь не случайно, изначально М.А. Протопоповым ведётся речь о критических отзывах на толстовскую повесть «Казаки». Однако в отмеченном абзаце повествование автора прерывается размышления об ошибочности приравнивания друг к другу литературной публицистики и литературной критики. Задача последней, по мнению М.А. Протопопова, выразить «нравственные идеалы», бытующие «в общественном сознании» [4, с. 78]. Здесь наблюдается переключки с маргиналиями во введении – вновь А.П. Скафтымов обращён к моральной категории. И надпись «Кр.» свидетельствует, вероятно, об обращённости автора к критике вообще, а не только к критической литературе о Л.Н. Толстом, потому что ранее о ней шла речь, но внимание А.П. Скафтымова, судя по маргиналиям, направлено на нечто другое.

Последующие же маргиналии в главе о Л.Н. Толстом уже гораздо больше связаны с самим писателем, чем с рассуждениями автора о нравственности. Далее автор работы развивает мысль о разделении Л.Н. Толстого на писателя-художника и писателя-мыслителя. Этот абзац выделен исследователем вертикальной чертой. Забегая вперед, скажем, что учёный не разделял теорию двух Толстых, что нашло отражение в его статьях «Идеи и формы в творчестве Л. Толстого» и «О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого». В заключении автор работы всё-таки приходит к выводу, что толстовские идеи, нашедшие отражение в художественной литературе, тесно связаны с «его нравственным и умственным “я”» [4, с. 85]. А.П. Скафтымов обращает на это внимание, отчеркивая данные абзацы вертикальными чертами [4, с. 85], чего – с учётом перспективы – достаточно и без его комментариев.

Несколько следующих пометок в издании связаны с литературно-критической рецепцией образа Л.Н. Толстого. По всей видимости, исследователя более остальных заинтересовала критическая оценка Н.К. Михайловского и К.С. Аксакова. В оценке представителя народнического направления Н.К. Михайловского автор работы усматривает несостоятельность, так как нельзя «философа-поэта, чуждающегося всяких общепринятых теорий, рассматривать именно под углом теории» [4, с. 87]. Славянофил К.С. Аксаков считает, что из-за толстовского стремления к правде писатель постоянно вынужден ограничивать себя, обращаясь «с собою беспощадно и твёрдо» [4, с. 89]. В этих двух фрагментах сам А.П. Скафтымов кратко отмечает вертикальной чертой основную мысль Н.К. Михайловского и галочкой начало абзаца с идеей К.С. Аксакова.

Последние скафтымовские маргиналии, найденные в главе о Л.Н. Толстом, появились в части, посвящённой образу Левина. Это всего две галочки, появившиеся возле поэтических фрагментов. Рассуждая о доброте Левина, М.А. Протопопов приводит две последние строфы из стихотворения А.С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» [4, с. 166] и отрывок из пьесы У. Шекспира «Буря» [4, с. 167]. Темы цитируемых отрывков соотносятся с суждениями автора работы о Левине, однако А.П. Скафтымова в большей степени интересуют поэтический и драматургический тексты: только рядом с ними появляются пометки.

Таким образом, маргиналии, найденные в литературно-критических характеристиках, более обращены к художественному мастерству Л.Н. Толстого, нежели к его личности как человека и писателя. Направленность взгляда исследователя на сугубо писательское мастерство Л.Н. Толстого также присутствует во втором и третьем сборниках «Толстой и о Толстом: Новые материалы» 1926 и 1927 года. И это объясняется самой спецификой издания как научного сборника, выпущенного под редакцией В.Г. Черткова и Н.Н. Гусева. В рамках этого издания было выпущено четыре сборника, причем к трем изданиям (1926, 1927 и 1928 года), за исключением самого первого, обращался А.П. Скафтымов.

Во втором сборнике 1926 года маргиналии исследователя обнаруживаются не с начала книги, а лишь со 141 страницы – исключительно в статье В.А. Дружкиной «Портретная живопись в романе “Война и мир”». В ней автор обозначает принципы толстовских портретных описаний в романе-эпопее, тезисно их выделяя. Во-первых, при появлении новых персонажей дается их обрисовка «со стороны внешности» [13, с. 141] – эта фраза подчеркнута исследователем, а рядом на полях появляется небольшая галочка, написанная карандашом. Во-вторых, помимо внешнего описания героя, писателем даётся и «внутренний образ» [13, с. 141] – и вновь словосочетание подчеркнута А.П. Скафтымовым.

Стоит отметить, что учёный в ходе внимательного чтения литературы о Л.Н. Толстом обращает внимание не только на основной текст, но и на сноски. В ходе ознакомления с работой В.А. Дружкина делает замечание в сноске относительно своего исследования, что в толстовских героях всегда смешаны «черты внутренние и портрет одновременно» [13, с. 141], а потому автор статьи не будет разделять термины «портрет» и «характер» применительно к роману-эпопее. Данное замечание в рамках исследования кажется А.П. Скафтымову концептуально значимым, а потому рядом со сноской появляется галочка.

В.А. Дружкина обращается к трудам Б.М. Эйхенбаума. Здесь следовало бы коснуться вопроса о полемике А.П. Скафтымова: исследователь, судя по маргиналиям, не согласен со многими положениями Б.М. Эйхенбаума. В частности, А.П. Скафтымовым проведена вертикальная черта рядом с абзацем, где исследовательницей раскрывается идея критика-формалиста об изначальной «мелочности» Л.Н. Толстого, а затем его «генерализации». Свою позицию Б.М. Эйхенбаум обосновывает толстовскими дневниками. Иными словами, по мнению критика-оппонента, в раннем толстовском творчестве при описании портрета мелкие детали в образах героев полностью заслоняют их образ [13, с. 142]. Чуть ниже В.А. Дружкина критикует позицию формальной школы, однако рядом с этим абзацем нет никаких пометок.

Исследовательское внимание обращено на фрагмент, где автором статьи дается характеристика основополагающих признаков толстовских портретных характеристик: рядом с этим абзацем появляется галочка. «Главное» [13, с. 142], по мнению В.А. Дружкиной, в художественном изображении Л.Н. Толстого – портреты его героев, которые явлены в действии. Толстовские герои словно «живые» [13, с. 142] со своим спектром «переходящих настроений» [13, с. 142]. А.П. Скафтымов подчеркивает соответствующие слова и словосочетания: «главное», «живое», «его переходящими настроениями». С этими характеристиками созвучно скафтымовское восприятие, так как данные идеи найдут отражение в последующем этапе работы учёного над пониманием Л.Н. Толстого, что видно в рукописных заметках.

Внимание исследователя связано с толстовскими приёмами, благодаря им у читателя воссоздаётся «впечатление», которое герой «производит на

окружающих» [13, с. 143]. Так, Андрей Болконский кажется отчасти высокомерным в глазах светского общества, но рядом с близкими (здесь рядом со строкой появляется галочка) и «вверенными ему» солдатами он оказывается «прост, добродушен и сердечен» [13, с. 144]. Индивидуальность же Наташи Ростовой связана с «общечеловеческим, житейским» [13, с. 145] – последняя фраза в работе подчёркнута. Но не все толстовские герои чётко обрисованы – образ Платона Каратаева не очень конкретен, а больше представляет некую «сущность» [13, с. 153]. Последнее это замечание не подчёркнуто исследователем, но на него также обращено внимание – на полях появился беглый росчерк, больше похожий на недописанную галочку. Далее автором работы раскрывается образ Кутузова, однако на этих фрагментах совсем не обнаружено исследовательских маргиналий. Но внимание А.П. Скафтымова, судя по галочке на полях [13, с. 155], обращено на следующий фрагмент – близких писателю героев. Автор работы считает, что, несмотря на «углубленный рисунок» одних героев (например, Сперанского или Наполеона), они всё равно не будут расположены ближе к писателю, нежели характеры, близкие по классу.

Семейство Болконских, на что обращает внимание исследователь, тесно связано «с классом родового помещичьего дворянства» [13, с. 148]. Заметно, что внимание А.П. Скафтымова более обращено на некие обобщающие выводы. Рядом с таким итоговим абзацем появляется галочка и подчёркивание тезиса: «Толстой в обрисовке портретов всегда социолог» [13, с. 150]. Свое замечание автор статьи обосновывает, в том числе, подробными рассуждениями о военном сословии, которое пребывает в вечном состоянии праздности. Вблизи этих смысловых узлов на полях появляются две галочки – как акцентирование внимания на данных связках [13, с. 151].

Итак, по мнению В.А. Дружкиной, индивидуальности толстовских героев помогает наиболее полно раскрыться их классовая принадлежность – возле этого микровывода появляется галочка [13, с. 156].

Помимо сословия, яркий толстовский приём изображения героев – это их «речевая характеристика» (подчёркнуто А.П. Скафтымовым и на поля вынесена галочка) [13, с. 156]. Но речевые характеристики, по словам автора статьи, всё же не помогут в раскрытии отдельных характеров. И здесь на полях, впервые в этой работе, появляется текстовая, а не графическая маргиналия, А.П. Скафтымов пишет: «(ср. Р-й)» [13, с. 157]. Стоит отметить, что указание на сравнение будет встречаться в рукописных заметках исследователя. Данное указание пока не расшифровано, но видно стремление А.П. Скафтымова к исследованию через соотношение (одного автора с другим, одного исследовательского мнения с противоположным).

Еще одним немаловажным средством раскрытия персонажа, на которое обращает внимание А.П. Скафтымов, является «метод самонаблюдения» [13, с. 158]. Портреты толстовских героев психологически насыщены. Эта цельность достигается воссоединением форм внешней (диалогов и монологов) и внутренней речи. Для исследователя оказывается важным это замечание

автора статьи, а потому рядом с ним вновь появляется галочка. Еще один аспект толстовского художественного рисунка, на который А.П. Скафтымов обращает внимание, связан с авторскими комментариями (исследователем подчеркнуто слово «повествовательным»), раскрывающими «скрытые подсознательные» [13, с. 161] мотивы героев. Пожалуй, наиболее яркий из всех перечисленных толстовских приёмов, отмеченных в статье, – динамика и «рост характера» персонажей. Кстати, эта мысль также будет развита самим А.П. Скафтымовым как в рукописных заметках, так и в опубликованных статьях.

Таким образом, скафтымовские маргиналии во втором сборнике «Толстой и о Толстом» носят преимущественно графический характер, представлены в виде галочек возле абзацев или строк, на которые исследователь обращает особое внимание. Более точно в этом вопросе помогут разобраться как рукописные заметки, так и статьи. Также отметим подчёркивания отдельных слов, реже – словосочетаний. И лишь единственный раз нам встретилась пометка о намечающейся сравнительной характеристике. Пометки носят преимущественно систематический характер, а не разовый, заметна устремлённость исследовательского внимания к одному аспекту толстовского творчества, либо к конкретному произведению, что позволяет воссоздать скафтымовский процесс постижения художественных принципов Л.Н. Толстого. В ходе прочтения того или иного текста исследователь использовал для пометок не только чернила, но и простой или цветные карандаши, что косвенно может способствовать датировке маргиналий.

Список литературы

1. *Никитина, Е.П.* Умом и сердцем // Скафтымов А.П. Собр. соч.: в 3 т. / сост. Ю.Н. Борисов и А.В. Зюзин. – Самара: Век #21, 2008. – Т. 1. – С. 5-21.
2. Коллекция книг и эпистолярный архив А.П. Скафтымова в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета / отв. ред. В.А. Артисевич. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. – 96 с.
3. *Кирпичников, А.И.* Очерки по истории новой русской литературы. – СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1896. – 424 с.
4. *Протопопов, М.А.* Литературно-критические характеристики. – 2-е изд. – СПб.: типо-лит. Б.М. Вольфа, 1898. – 523 с.
5. *Толстой, Л.Н.* Календарь графа Л.Н. Толстого на каждый день года: [Из «Круга чтения»]. – СПб.: Ясная Поляна, 1909. – 32 с.
6. *Толстой, Л.Н.* Письма Л.Н. Толстого. 1848-1910 гг. / собр. и ред. П.А. Сергеенко. – Москва: Книга, 1910. – Т. IV. – 367 с.
7. Сборник воспоминаний о Л.Н. Толстом / А. Пругавин, Н. Давыдов, Н. Тимковский [и др.]. – Москва: Златоцвет, 1911. – 176 с.
8. *Тимковский, Н.* Душа Л.Н. Толстого. – М.: Кн-во писателей в Москве, 1913. – 179 с.
9. *Толстой, Л.Н.* Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894 / предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. – СПб.: О-во Толстовского музея, 1914. – 478 с.
10. *Толстой, Л.Н.* Дневник молодости Льва Николаевича Толстого / под ред. В.Г. Черткова. – Т. 1: 1847-1852. – М.: [б.и.], 1917. – 288 с.

11. *Толстой, Л.Н.* Детство. Отрочество. Юность / вступ. ст. Б.М. Эйхенбаума. – СПб.: Госиздат, 1922. – 568 с.
12. *Бирюков, П.И.* Биография Льва Николаевича Толстого: с иллюстрациями. – М.; Пг.: Государственное издательство, 1922. – Т. 3. – 331 с.
13. Толстой и о Толстом: Новые материалы / Толстовский музей; ред. В.Г. Чертков, Н.Н. Гусев. – М., 1926. – Сб. 2. – 173 с.
14. Толстой и о Толстом: Новые материалы / Главнаука Наркомпроса; Труды Толстовского музея; ред. Н. Н. Гусев, В. Г. Чертков. – М.: Изд. Толстовского музея, 1927. – Сб. 3. – 199 с.